

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АКТОВ В НУМИЗМАТИЧЕСКИХ И МЕТРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О. Д. ЧЕХОВИЧ

Цель настоящего обзора — показать значение актовых материалов XVI—XVIII вв. для исследований в области нумизматики и метрологии Средней Азии. Сделаем это на примере работ Е. А. Давидович, хорошо известных специалистам.

Изучая денежное хозяйство Средней Азии XVI в.¹, Е. А. Давидович проработала тысячи неизданных монет и множество неизвестных до сего времени исторических документов, хранящихся в архивах Ташкента и других городов. При ознакомлении с формулами, фиксирующими денежные сделки во всех доступных среднеазиатских актах XVI—XVIII вв., она отметила, что в большей части актов серебряные теньги называются «новыми», в остальных — «старыми». В некоторых актах определения «новых» денег сопровождалась именами выпустивших их ханов. Даты актов оказались соответствующими времени правления тех ханов, которые упомянуты в денежных формулах. Благодаря этому выяснилось, что «новыми» в XVI—XVIII вв. назывались деньги, находившиеся в обращении при жизни выпустивших их ханов. В то же время наряду с «новыми», как показывают акты, легально обращались «старые» серебряные монеты, чеканенные прежними государями. В некоторых актах XVI в. при характеристике «старых» денег отмечено дополнительное определение «дах-нухи», то есть «девяностые». Предложенное Е. А. Давидович истолкование отношения 9—10, как курсов «старых» и «новых» денег, блестяще подтвердилось документами конца XVI в. из рукописи «Маджмуаи васонк»², где «старая» серебряная теньга приравнена 27 надчеканам, а «новая» — 30.

Анализируя затем надчеканы и изменение внешнего вида тенег, Е. А. Давидович установила, что объявление «новых» монет «старыми» было способом извлечения доходов и, стало быть, формой феодальной эксплуатации, которыми пользовались не только при смене правителей, но и многократно при правлении одного и того же хана. Дальнейшее изучение серебряного чекана привело к выделению шести периодов денежного обращения в XVI в. Удалось проследить тесную связь этих экономических явлений с политическими изменениями в государстве Шейбанидов: временными усилениями централизации страны и, наоборот, ростом независимости уделов в другие периоды.

При обработке Бальджуанского клада монет XVII в. перед исследовательницей возникли вопросы: каковы были конкретные нормы и закономерности обращения серебра в XVII в.? Какие объективные причины определяли их сложение и изменение? Какие обстоятельства подготовили кризисное состояние в области серебряного обращения? и т. д.

¹ Е. А. Давидович. К денежному обращению в государстве Шейбанидов (XVI в.). Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1949; Е е же. По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. «Материалы Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 144—172; Е е же. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 137—170; Е е же. Из истории Хисара в XVI в. «Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», Сталинабад, 1952, стр. 27—36; Е е же. Денежная реформа Шейбани-хана (из истории среднеазиатской экономики в XVI в.). «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии» («Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. XII), Сталинабад, 1954, стр. 85—108; Е е же. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. «Нумизматика и эпиграфика», М., 1960, стр. 193—198.

² Рукопись Института востоковедения АН Узб. ССР, инв. № 1386.

«Эти и другие вопросы,— говорит Е. А. Давидович,— никем еще не были затронуты, тем более, что ни сами монеты, ни нарративные источники не дают и не могут дать на них ответа самостоятельно, без привлечения еще одного, в данной связи до сих пор неиспользованного источника — юридических документов»³.

Обратившись к актам XVII в. из душанбинских и ташкентских коллекций, Е. А. Давидович находит в описаниях денег точные указания на порчу монет, происходившую в два этапа: сначала медью было заменено 30% серебра, затем — 42%. Химический анализ самих монет XVII в. подтвердил сведения актов и их интерпретацию автором.

Нельзя обойти вниманием исследование Е. А. Давидович бухарской денежной реформы 1708 г.⁴. Нам приходилось раньше приводить описание этой реформы из летописи Мир Мухаммед Амина Бухари «Убайдулла наме», причем не вполне ясное выражение его:

تغيير و تكسير تنگه было понято нами как «изменение [состава]

уменьшение [веса] тенег»⁵. Однако химический состав и вес бухарских монет, прослеженные Е. А. Давидович по дореформенным и послереформенным образцам, подтвердили правильность нашего понимания лишь относительно первой части этой фразы источника — об изменении состава, то есть пробы монет. Что же касается веса, то Е. А. Давидович доказала на основании самих монет и документов XVIII в., что реформа 1708 г. не внесла в него каких-либо изменений.

Метрологии специально посвящено несколько работ Е. А. Давидович⁶. Сложность проблемы заключается в том, что в каждой области Средней Азии одновременно сосуществовало несколько самостоятельных единиц веса, находившихся друг с другом в определенных и подчас совершенно различных отношениях, основанных на разных системах счета. К этому добавляется характерное для феодальных стран разнообразие мер в разных местностях: иногда даже мелкие феодальные владения сохраняли собственные, отличные от всех других, меры.

С другой стороны, чрезвычайная скудность сведений исторических источников о реальном значении многих мер привела к тому, что историки Средней Азии до сих пор или обходили этот вопрос или, что еще хуже, ссылаясь на неизученность метрологии, оперировали для всех времен мерами XIX в., зарегистрированными русскими и другими путешественниками. Были ли эти меры (например, восьмипудовый батман) неизменными в течение веков, или раньше существовали совершенно другие реальные значения — оставалось неизвестным. Можно себе представить, насколько это обстоятельство лишало историков возможности правильно толковать экономические тексты источников и рисовать на их основании картины далекого прошлого Средней Азии.

Весомый вклад в метрологию феодальной Средней Азии, сделанный Е. А. Давидович, основан на использовании не только нумизматических и других данных, но опять-таки на привлечении актовых материалов.

³ Е. А. Давидович. Бальджуанский клад XVII в. и некоторые особенности серебряного обращения в Средней Азии при Аштарханидах. «Труды АН Тадж. ССР», т. XVII, Сталинабад, 1953, стр. 69—89.

⁴ Е. А. Давидович. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре. КСИИМК, 66, М., 1956, стр. 36—46.

⁵ О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в. «Труды Института востоковедения АН Узб. ССР», вып. III, Ташкент, 1954, стр. 65.

⁶ Е. А. Давидович. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XV — первой половине XVIII веков. «Доклады АН Узб. ССР», Ташкент, 1951, стр. 50—54; Е. А. Давидович, Б. И. Маршак. Уникальная гиря VI—VIII вв. из Пенджикента, КСИЭ АН СССР, вып. XXX, М., 1958, стр. 81—87; Е. А. Давидович. О мерах веса позднесредневековой Бухары. «Изв. Отд. обществ наук АН Тадж. ССР», вып. 1 (22), Сталинабад, 1960, стр. 99—114.

Так, из Самаркандской вакуфной грамоты мазара и хонаки ходжи Абди-Даруна, возобновленной в конце XVIII в., стало известно, что чорьяк большого самаркандского веса равен 856 мискалям. Поскольку чорьяк составлял $\frac{1}{64}$ часть батмана, батман оказался равным 54784 мискалям. Наряду с этим другие источники приравнивают батман к восьми пудам и к 27392 мискалям, а один из них сообщает, что восьмипудовый батман был введен в 1811 г., раньше же он весил в два раза больше (то есть именно 54784 мискаля).

Вес мискаля, употреблявшегося для взвешивания золота и драгоценностей в Бухаре с домусульманских времен до XIX в., выяснен Е. А. Давидович путем взвешивания множества «одномискальных» монет с точностью до десятых долей грамма: он был равен 4,8 г. Но поскольку мелкие кратные батмана не могут быть выражены целым числом этих мискалей (27392 не делится, например, на 512 и 1024 — числа содержащихся в батмане ним-нимчей и сангов), значит, восьмипудовый батман не основан на «золотом» мискале, а только пересчитан в него. Так же не основанным на «золотом» мискале оказался другой, указанный Ханыковым и Небольсиным, батман, весивший 7 пудов 32,5 фунта на русские меры. В основе этого старинного бухарского батмана лежит, как выяснила Е. А. Давидович, ман в пять раз меньшего веса (около $1\frac{1}{2}$ пудов) и мискаль весом в 5 г.

Кроме «золотых» и «пятиграммовых» мискалей, в Бухаре существовали так называемые «каменные» мискали, число которых и в восьмипудовом и в местном батманах было одинаково — 5120.

Е. А. Давидович выясняет, что «золотые» мискали были самостоятельными и неизменными единицами веса; к пересчету на них прибегали всякий раз, когда нужно было указать реальный точный вес. «Каменный» же мискаль был просто наименьшей производной от батмана, будь то 8-пудовый, 16-пудовый или батман в 7 пудов $32\frac{1}{2}$ фунта.

Из вакуфной грамоты 1672 г. бухарской мечети Чохи Занджир видно, что в Бухаре существовала мера «якшутур» («верблюжий выюк»), равная десяти «большим» манам.

Е. А. Давидович доказывает, что под «большим» маном здесь разумеется полупудовый, основанный на пятиграммовом мискале. Отношение этих мер к «золотому» мискалю и его производным = 25 : 24; таково же отношение двух видов мискалей, указанных в бухарском «бухгалтерском пособии» XVIII в., — «маджма ал-арком», где мискали содержат соответственно 100 и 96 джав.

Попутно выясняется, что багдадский (канонический) ратль, равный половине мана, принадлежит к мискальной группе весовых единиц. К этим мерам восходит, по предположению Е. А. Давидович, и бухарский шариатский ман XIV в., упомянутый в вакуфной грамоте мавзолея Сайфиддина Бохарзи. В таком случае он должен был весить, по вычислениям Е. А. Давидович, 864 г, а пятикратный, упомянутый в той же грамоте ман «по бухарскому купольному весу» — 4 кг 320 г.

Чрезвычайная сложность и даже запутанность мер веса Средней Азии, трудность их сопоставления с русскими мерами при торговле с Россией заставила бухарцев еще в XVI—XVII вв., как предполагает Е. А. Давидович, ввести округленный «восьмипудовый» ман и соответствующие его доли, одинакового наименования с местными мерами, но отличающиеся от них по своему реальному весу. Эти меры употреблялись очень широко не только в русско-среднеазиатской, но и во внутренней торговле Средней Азии, и даже для измерения земельных площадей (см. Вакфнаме мазара ходжи Абди-Даруна). Так нумизматическое исследование с привлечением актовых материалов и других источников расширяет наши сведения о широте и значении давних русско-среднеазиатских торговых связей.

Подведем итог. Среднеазиатские акты дали объяснение особенностей денежного обращения и форм эксплуатации монетной регалии, которое не могло бы быть получено, если бы нумизмат ограничился исследованием только самих монет и других источников.

Не менее плодотворным оказался принятый Е. А. Давидович метод сопоставления данных нумизматики и археографии для выяснения сложных вопросов метрологии. Автору удалось уточнить размеры весовых единиц XIV—XVI вв. и внести чрезвычайно существенные поправки в представления других исследователей.

